

УДК 14: (00+62)

DOI: 10.17223/2312461X/21/3

ТЕЛЕСНОСТЬ, ТЕХНОЛОГИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ КАК ОСИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ-ОБЪЕКТА*

Любовь Андреевна Торлопова

Аннотация. Сегодня по сравнению со второй половиной XX в. представление об инвалидности кардинально изменилось. Парадигмальный сдвиг от медицинской – к социальным моделям инвалидности заключается в смещении локализации инвалидности с индивидуального человеческого тела к социальному пространству. Инвалидность в социальных науках стала рассматриваться как социальный конструкт (Ярская-Смирнова, ВОЗ). С позиций исследований науки и техники (STS) инвалидность оказывается не только предметом дискурса, но материально-семиотическим явлением. В контексте данного исследования инвалидность выступает как пространственно-временной ансамбль (сборка), включающий в себя гетерогенные элементы реальности (тело, ассистивные технологии, ситуация конкретного человека и проч.). Несмотря на сдвиг в понимании инвалидности, тело человека, тем не менее, остается значимым элементом сборки инвалидности-объекта. Процессы киборгизации тела изменяют границы инвалидности. Техногенная среда изменяет повседневные практики, увеличивая их разнообразие и создавая гетерогенность социального пространства. Темп трансформаций человеческого тела и инфраструктуры жизнеобеспечения постоянно нарастает. В статье обсуждается пространство взаимодействия телесности, технологий и инвалидности.

Ключевые слова: инвалидность, исследования инвалидности, исследования мобильностей, исследования науки и технологий (STS), объектно-ориентированная философия, пространство, тело, технологии, гибриды

Введение

Чем является инвалидность в XXI в. в ситуации сращивания тела и техники? Сегодня все чаще встречаются случаи, когда «инвалидное» тело (физическое и социальное) «нормализуется» с помощью «добавления» к телу техники. Процессы киборгизации тела изменяют границы инвалидности. Адаптированный протез – менее инвалидизирующий случай, чем ампутация ноги с неэффективной адаптацией протеза. У двух физических тел одинаковой «комплектации» (у обоих нет по ноге) могут быть разные следствия.

* Статья написана при поддержке РГНФ / РФФИ, номер проекта: 16-01-00145 «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России» (руководитель – Елена Эдуардовна Штейн) и Центра академической мобильности НИ ТГУ.

После сдвига в понимании инвалидности от медицинской к социальным моделям, ее стало принято рассматривать не как физический дефект у конкретного человека, но как явление социальное. В рамках социальных моделей инвалидность описывается как конструкт или стигма (напр., Ярская-Смирнова 1997). ВОЗ определяет инвалидность как «зонтичный термин» (подробнее см.: Торлопова 2017а). В таком развивающемся с последней трети XX века направлении исследований, как STS (Science and Technology Studies), мы рассматриваем различные явления не только с точки зрения дискурса, но и в рамках материально-семиотического подхода, фокусируя исследование на социально-материальной реальности. Сдвиг к материализму более чем актуален в контексте проблематики инвалидности. В данном исследовании продолжает формироваться новое направление в описании инвалидности как собранного в пространственно-временном континууме объекта (об инвалидности как объекте см.: Торлопова 2017б, 2018). Этот подход предполагает разработку схемы пространства, позволяющего пересобрать пространственные границы инвалидности.

В России инвалидность исследуется в основном через тело физическое, материальное (медицинские дисциплины) и социальное (социогуманитарные науки). Контекст переплетения телесности и технологий в изучении инвалидности напрямую не затрагивается. В этой статье хотя и идет речь об инвалидности как самостоятельном акторе в контексте плоской онтологии Б. Латура, онтологии-в-практике А. Мол, и др., а не на феноменологии восприятия, но учитывается и тело переживаемое (Соколовский 2018: 109). Тело, технологии и пространства рассматриваются как активные составляющие гибридного объекта – инвалидности. В статье не столько даются ответы, сколько *ставятся* вопросы и анализируется пространство взаимодействия телесности, технологий и инвалидности.

Теоретическая рамка определения инвалидности через объектность

Онтологический поворот к материальному в STS, или исследованиях науки и технологий как направлении философской мысли, осуществляет поворот к объектно-ориентированной философии и аналогичным течениям.

Грэм Харман, один из основателей спекулятивного реализма, в своей работе «Tool-Being: Elements in a Theory of Objects» (Harman 2002) разработал концепт «объектно-ориентированной философии». Он и другие философы, придерживающиеся позиций спекулятивного реализма и объектно-ориентированной философии, постулируют актуальность метафизики и предлагают ее современную трактовку. В основе

возвращения к метафизике лежит критика корреляционизма и антропоцентризма, что подразумевает отказ от примата человеческого над нечеловеческим, активность нечеловеческих объектов (Бруно Латур называет их «не-человеками» – *nonhumans*). Не-человеками, которые со-конструируют реальность, могут быть артефакты, животные, технологии, идеи и концепты и проч. (Латур 2014: 23, 103).

В этой статье учитываются базовые посылки объектно-ориентированной философии (отрицание иерархичности и фокусирование исключительно на человеческом) и некоторые идеи акторно-сетевой теории (*actor-network theory*, ANT, или материально-семиотического подхода, где сети образуются вокруг точки сборки). Интересы социологии также перекликаются с переориентацией от исключительно социального – к объектам и материальностям. Как замечает Вахштайн, «все эти образы материального сегодня неотделимы от нашего интуитивного понимания социальности. Как бы банально не прозвучал такой вывод: “Мы живем в мире объектов...”». И сама банальность этой фразы – свидетельство согласованности аксиом объект-центричной социологии с современным опытом мира» (Вахштайн 2006: 39).

Теоретической основой данного исследования является гибридная онтология инвалидности. Для гибридного объекта существовать, значит, находиться в *отношениях*; быть ансамблем отношений между материальными вещами, социальными конструктами, творимыми философскими концептами и др.

Плоская онтология Латура постулирует, что существует не только многоголосие человеческого (ценность проявления любого человеческого голоса), но также и многоголосие вещей и гибридных материально-семиотических объектов. Она признает права на голос разных акторов, и их неоднородность, а также отрицает иерархичность голосов, иерархические отношения между разными гибридными объектами, сталкивающимися в одной реальности. В контексте описания и конструирования реальности (в данном случае реальности существования инвалидности) вещи (как белая трость, пандус, или любая иная технология), объекты (инвалидность, слепота или болезнь) имеют равное право на высказывание, на значимость каждого из них во влиянии на реальность.

Общество всегда оставалось гетерогенным, как и гибриды имплицитно существовали всегда, но молчание о них перемещало их в область небытия из-за отсутствия словесной экспликации, делало их невидимыми. Они, однако, существуют, и задача философии как машины по «творению концептов» (Делез, Гваттари 1998: 15) – дать им голос, возможность быть услышанными, создать знание об этих гибридах, дать им осуществиться (*to be performed*). «В коммуникативной онтологии социальность была увидена в её повседневной жизни» (Культура и коммуникации 2004: 30). Плоская же онтология делает шаг в сторону,

чтобы не только социальность человеческого могла быть увидена в повседневности, но также и социальность не-человеческого.

Понятия «ситуативность» и «локализм», свойственные подходам А. Мол (онтология-в-практике или праксиография – Mol 2002: 31, 33) и других исследователей STS, связаны, во-первых, с новым взглядом на повседневность, а во-вторых, с онтологической множественностью гибридного объекта, который является модальностью, а не закономерностью. Для описания и анализа нестабильных и изменяющихся гибридов уместно использовать социальную топологию Джона Ло (Ло 2006). Границы инвалидности могут быть описаны в рамках социальной топологии, и сделать это необходимо для того, чтобы описать отношения элементов фрагментарного, многосоставного, то есть множественного объекта инвалидности.

Инвалидность по-прежнему оценивается в обществе и в некоторых дисциплинах, например в социологии инвалидности, как предикат определенной социальной группы (подробнее см.: (Торлопова 2017а)). Нельзя, однако, не упомянуть также об обособленно развивающейся тенденции в философии – рассмотрении инвалидности как специфического понятия повседневного опыта *каждого* человека. Киборгизация, понимаемая как «процесс сращивания человека и машины», сопровождающийся «замещением технологиями натуральных функций тела и разума человека», приводит к не-способности жить без девайсов, как «неотъемлемых протезов человека» (Емелин 2013: 62–63), что трактуется некоторыми авторами как инвалидность любого человека, живущего в цифровую и техногенную эпоху.

Инфраструктура (не)доступности: городские практики мобильности и сборки инвалидности

Урбанизация играет значимую роль в сращивания тела человека и окружающей среды. Город может стать океаном с островами доступности или, напротив, глубинами в виде «поломок» городской инфраструктуры мобильности для маломобильных людей, среди которых много людей с инвалидностью. Таким образом, городская инфраструктура или пути конкретного жителя становится частью телесности человека с инвалидностью (его продолжением или экстенсией).

Помимо действующих документов внутренней социальной политики, в России в 2012 г. ратифицирована международная «Конвенция о правах инвалидов», способствующая развитию государственной программы «доступная» или «свободная от барьеров» среда (barrier-free environment). Одно из основных направлений этой программы – создание инфраструктуры для доступа маломобильных жителей к городским благам. «Доступной средой» в этом контексте выступает трансформи-

рованный дизайн города с наличием работающей инфраструктуры, включающей людей с инвалидностью и маломобильных людей в жизнь города. Необходимо учесть, что множество маломобильных людей включает не только людей с инвалидностью. Кроме того, следует учитывать, что люди не со всякой инвалидностью входят в число маломобильных. Там, где характеристики двух множеств пересекаются, находятся люди и другие акторы, о которых пойдет речь. Инвалидность является более *неоднородной*, чем принято считать, и связана не только с мобильностью и физическим состоянием человека. В традиционной парадигме инвалидности XX века, начиная с медицинской модели, *инвалидность формируется и существует по отношению к индивидуальному человеку и его пространству*. Комплекс концепций, противостоящих медицинской модели, объединяется в социальную модель, согласно которой инвалидность является общественной проблемой. В русле этих рассуждений хотелось бы специфицировать концепцию социальной модели и соединить её с идеями исследований науки и технологии, предложив рассматривать инвалидность как объект. Сам факт обозначения инвалидности как объекта, собранного в ситуативной локальной реальности, вместо обозначения ее как статуса или стигмы указывает на онтологический статус инвалидности-объекта.

Таким образом, вместо определения инвалидности как ограничения возможностей человека, шире – не-способности (*dis-ability*), ориентированного на индивида, предлагается иная онтология инвалидности, рассматривающая ее:

- как инфраструктуру недоступности, при наличии и определении которой учреждения МСЭ дают статус «инвалид», или, наоборот, как потенциал создания инфраструктуры социальной активности и благополучия человека;

- как специфический гибридный объект, собранный из таких элементов, как тело, ассистивные технологии, ситуация конкретного человека и др.

В обоих случаях фокус смещается от индивида к пространственно-временному континууму, в котором и собирается инвалидность. В этом случае человек является только одним из агентов сборки (ассамбляжа) инвалидности. Таким образом, наиболее интересны для рассмотрения инвалидность как объект и как теоретический концепт. Что же такое инвалидность в рамках городских инфраструктур доступности? Ответ на этот вопрос рассматривается на примере исследования устройства сибирского города Томска и взаимодействия с ним человека с инвалидностью.

Рассмотрим определение инвалидности российской медико-социальной экспертизы, используя онтологию-в-практике А. Мол. Бюро МСЭ – это институция, определяющая гражданский статус «инвалид». Соединяя логики мышления ситуативности и современного определе-

ния МСЭ, мы скажем, что человек в инвалидной коляске, который физически не может ходить, ещё не является в широком смысле «неспособным» (disabled). Только когда перед ним и его коляской оказывается непреодолимое препятствие, задействуется инвалидность и «собирается» в пространстве недоступная среда (non-accessible environment). Барьеры (как материальные, так и цифровые, социальные) выступают «материалом» в ансамбле инфраструктуры недоступности.

Устройство или *инфраструктура* разделяет людей на группы и способы инсценировки их инвалидности. Среди людей с инвалидностью чаще всего встречаются три группы маломобильного населения. У них достаточно собственных ресурсов для передвижения по городу, но недостаточно инфраструктуры доступности для их использования. Они соотносятся с тремя категориями жизнедеятельности человека и степенями выраженности ограничений этих категорий: 1) люди, использующие для передвижения коляски; 2) слабовидящие и незрячие; 3) глухонемые, неслышащие.

Инфраструктура (города – в целом или пространства на пути человека с инвалидностью – в частности) *выступает продолжением тела* человека с инвалидностью. *Инфраструктура доступности* является собранием акторов, которые не конфликтуют (как крутой спуск сразу после длинного пологого пандуса), но дополняют друг друга. При контакте «инвалида» и локального пространства, они (человек и пространство) объединяют усилия по выполнению общей цели – реализации мобильности человека – и делают этот процесс «гладким», сокращая затраты усилий человека по преодолению сопротивляющейся среды. Например, чтобы преодолеть часть центрального проспекта в Томске между двумя университетами (Томским госуниверситетом и Томским политехническим университетом), человеку на коляске приходится двигаться поперёк тротуара, чтобы преодолеть бордюр, газон, выехать на проезжую часть и далее двигаться в гору (или с крутой горы) вместе с автомобилями. Сбой в инфраструктуре доступности обусловлен ландшафтом этой части города, но также и мышлением конструкторов. Устройство дорог и тротуаров, сделанных в первой половине XX в. (если не ранее), вступают в конфликт с меняющейся социальной средой и необходимостью новых форм взаимодействия с ландшафтом. Существование инвалидности (как не-способности к свободному и безопасному передвижению маломобильных граждан) и запрос на такую возможность делает инвалидность и её акторов видимыми через осознание их права на голос. Любой вовлеченный человек здесь сам становится инфраструктурой, рупором для о-существования инвалидности, её воплощения в социально-материальной реальности. В процессе передвижения человека все детали окружающей среды сопричастны событию, конструирующему инвалидность в пространстве.

Какие элементы инфраструктуры доступности важны? Для людей, использующих коляски при передвижении, это – пандусы, угол наклона пандуса или швеллера, поручни, ширина дверных проходов в здании, наличие *бордюров, отдельных ступеней и лестниц*, неровностей на поверхностях тротуаров, изменения ландшафта и др. Для незрячих важны озвученные светофоры, озвучивание названий остановок в общественном транспорте, обозначение входов в здания (визуально и аудиально), тактильная плитка, её рациональное размещение, и также поверхности передвижения и ландшафты.

Один из активистов-колясочников, студент ТГУ, делает видимым инвалидность, создаваемую неудачами в городском планировании, обозначая поломки в инфраструктуре доступности, которые предстают как островки недоступности. Он демонстрирует как лишние бордюры, крутые лестницы и пандусы или остающиеся без реакции кнопки вызова у входа в аптеку и в банк, которые активизируют инфраструктуру недоступности и реализуют инвалидность. Именно в этот момент человек становится «не-способным» (справиться с ситуацией и получить доступ к всеобщим благам). Инвалидность в таком случае из индивидуальной првращается в общественную.

Существует, однако, противоположный пример для другой группы маломобильных людей. При соучастии государственных и общественных акторов незрячие Томска, имея необходимые ресурсы в повседневности, сокращают количество «столкновений» со своей инвалидностью. Наличие этих ресурсов обусловлено мультиагентной активностью. Собственные ресурсы человека – это уже индивидуальная инфраструктура, которую человек «носит» с собой. При этом создана она государственными, социальными институтами и частными лицами, вместе с техническими устройствами, навыками, знаниями, идеями. Примером инфраструктуры доступности может служить частный случай незрячей работающей женщины, независимой в своей мобильности в рамках её бытовой деятельности. Её жизнь, благодаря сложившимся практикам передвижения по знакомой местности, стабильно *встроена* в существующую инфраструктуру благодаря таким «устройствам», как её память, «программа» счета собственных шагов (их числа от одного ориентира к другому), самим ориентирам в пространстве, трости, чуткому слуху и навыкам движения с тростью.

Любопытно, что зачастую для незрячего, самостоятельно передвигающегося по городу человека, инструментом по взаимодействию с пространством становятся бордюры. При этом, интересы в отсутствии или наличии конкретных бордюров *разделяют группы* маломобильных людей с инвалидностью по специфичности их девайсов: если для людей на колясках бордюры всегда являются *барьером* для мобильности, то для незрячих отдельные бордюры (вдоль пути их следования) явля-

ются основным или даже единственным *ориентиром* в пространстве, подтверждающим правильность пути.

Противоречия актуальны не только для пользователей инфраструктуры доступности, но и среди пользователей всей городской среды, поскольку она сопротивляется взаимодействию и не всегда является гибкой. Помимо материального сопротивления среды в виде бордюров и портящегося асфальта тротуаров, есть сопротивление мышления ее конструкторов. Инженеры, строители, дизайнеры, архитекторы предполагали необходимость бордюров или лестниц там, где без них можно обойтись, и там, где сейчас, в контексте свободного самостоятельного передвижения по городу людей с инвалидностью, они стали явно лишними элементами. Сопротивление среды может выражаться явно – отсутствием нужных фрагментов инфраструктуры доступности, но также и скрыто. Устройство города действительно меняется в ходе обеспечения доступности среды для маломобильных граждан. Однако на практике это иногда выражается в *мимикрии дизайна города* под инфраструктуризацию доступной среды, что наглядно показано в видео одного ютубера, тестировщика лестниц, – «Швеллеры-убийцы». Швеллеры – металлические балки (гнутые профили), в сечении напоминающие букву «П». Таким же образом называются сделанные из этих балок (часто вдоль лестниц) металлические конструкции, наподобие пандусов (ramp). Пандусы являются отдельной, более новой, технологией, внедряющейся на улицах и в зданиях городов. Пандус – пологий подъем, дорожка для въезда, заменяющая лестницу (для передвижения инвалидов и детских колясок, перемещения грузов на тележках и т.п.). В России *швеллеры* тоже называют пандусами, хотя они значительно менее удобны, надежны, безопасны и более специфичны (необходимо соответствие расстоянию между колесами инвалидов колясок при выборе швеллеров и их установке, что делается далеко не всегда).

Инженерные усилия по созданию гибридных биосоциотехнических систем по-прежнему испытывают влияние устаревших стереотипов конструкторского мышления и прежних способов решения задач укрощения природного ландшафта или разделения зон пространства – лестниц и бордюров. Вне зависимости от того, являются ли лестницы и бордюры отголосками давнего дизайна разраставшегося города или продуктом современного негибкого мышления конструктора данного локуса пространства, в любом случае, прямо сейчас – это непреодолимое для «колясочника» препятствие. Тело в пространстве города и само пространства города представляют собой разнородные объекты. Парализованные ноги человека в коляске, сама конструкция коляски и ступени, как единственный способ преодоления участка городского пространства, не сцепляются, и в такой ситуации становится очевидна поломка инфраструктуры доступной среды (как естественно сложенная

инфраструктура недоступности города). Она требует поиска «мостов», способных соединить конфликтующих агентов. И если ступень для человека на коляске равнозначна пропасти, то в ситуации столкновения с лестницами, соединяющими мостами выступают пандусы и их имитаторы (например, швеллеры) или заменители (например, другой человек, который готов помочь человеку с инвалидностью переместиться). Эти примеры наглядно показывают, что инвалидность можно рассматривать как продукт сбоев в городской инфраструктуре, а не дефект здоровья. Если определять инвалидность как неспособность путешествовать по городу (как продукт взаимодействия с материальной городской средой), то выясняется интересный момент: чтобы сдать документы на инвалидность, *необходимо* путешествовать по городу. Этому, конечно, уделяется внимание: здания бюро МСЭ (например, в Томске) специально оборудованы, как и здания медицинских учреждений и некоторые другие, адаптированы для возможности включения в их пространство людей с инвалидностью. Однако город как пространство между точкой А (домом) и точкой Б (зданием медицинского учреждения и т.п.) – нет.

Стоит отметить, что с 2017 г. маршрутные такси Томска становятся пространством для потенциальных изменений карты мобильности людей, передвигающихся на креслах-колясках в городе. Этот феномен внедрения и развития технологий мобильности внутри существующей системы транспорта заслуживает рассмотрения в отдельной статье.

Тело является частью инфраструктуры доступности, не основной частью, но равной. По аналогии, в ситуации сломанной машины на трассе, скажем, в районе тайги (а она не так далеко от Томска), автомобилист также становится более иммобильным, и возможно, уязвимым (перед холодом, дикой природой, другими людьми и т.д.). Поэтому и в современных условиях трудно говорить, что человек с инвалидностью иммобилен *по определению* из-за «нетипичного» состояния тела. Существует возможность сократить проявленность инвалидности, само ее существование и сборку за счет трансформации среды. Начать нужно с дискуссии и создания языка описания инвалидности как множественного контекстуального объекта, что позволит быть гибкими в отношении инвалидности, а значит, точнее подбирать слова и действия для решения ее проблем.

***Современные технологии как причина парадигмального
ре-конструирования инвалидного тела: роль человека,
границы человека, технологий и пространств***

Джон Урри, современный исследователь мобильностей, описывает глобализацию следующим образом: «[она] не только умножила количество потоков и новых социальных паттернов, но также сделала воз-

можным создавать сложные сетевые образования, связывающие разные пространственные и порой временные, локальности» (Urry 2007).

Эти сложные ансамбли в их текучей (John Law) объектности представляют собой сотрудничество и со-бытие тел, пространств, технологий в движении. Дополнительный уровень сложности образуется благодаря дигитализации социального как взаимопроникновению социальной среды и новых технологий. Это означает, что пространство человеческого присутствия, например, городское, соткано не только из материи, а значит, и взаимодействовать могут не только материальные технологии и среды, что и знаменует собой новую цифровую эпоху, когда технологии (не только материальные, но и цифровые) становятся частью человеческих тел. Протезирование, трансплантация, клонирование – это технологические процессы, трансформирующие не только материальную, но и социокультурную реальность. Цифровые технологии, люди-киборги заново ставят вопрос, что такое человек? Новое человеческое тело, резистентное к микробам, возвращенное на гмо, вакцинированное, ориентированное на сидячий образ жизни. А что такое тогда киборг? Еще один вопрос – чем становится “естественное” пространство, когда сливается с технологиями, как материальными, так и виртуальными (цифровыми). Технологии становятся частью пространств. Единая система, взаимодействующая, фрагментарная, состоящая из собранных объектов-ассамбляжей, порой распадающихся, порой сцепляющихся, когда элементы находят друг друга – или новые дополняют существующую сборку, или с нуля собирается конструкция.

Человек – это только актер, или также пространство для жизни, например, для жизни инвалидности? «Доступная среда» – это пространство или технология? Материальная инфраструктура для неходячего, такая как пандусы, представляет собой помощь в преодолении препятствий на пути. Технологии публичного пространства не дают ноги, но предоставляют среду, которой можно пользоваться без ног. Бордюры (а для кого-то – их отсутствие), оснащение светофоров звуковыми сигналами, адаптированные виды транспорта для маломобильных групп населения также являются технологиями, вплетенными в социально-материальное пространство.

Разнообразие предметов для взаимопроникновения человека и технологий, кроме такого простого инструмента, как трость, включает в себя сложные устройства: программное обеспечение, мобильные приложения, описывающие, что находится перед незрячим человеком. Случай мобильных приложений для незрячих показывает, как одно устройство создает множество технических инструментов для расширения возможностей человеческого тела и улучшения повседневной жизни. В контексте мобильности такие приложения предлагают маршруты более подробный и разнообразный, чем может предложить созна-

ние зрячего. Инфраструктура для незрячего заключается в возможности перемещения без зрения; технологии дают видение. Подробно использование мобильных устройств и программных технологий незрячими и слабовидящими в России описано в статье А.С. Курленковой (Курленкова 2018).

Робо-Венера Милосская. Технопарк г. Тбилиси, Грузия. Май 2018 г. Фото автора

Состояние человеческого тела, городская инфраструктура сегодня значительно подвижнее, чем десять лет назад, и темп трансформаций постоянно растет. У каждой физиологической особенности, послужившей основой телесного элемента инвалидности, – свои особенности взаимодействия с технологиями. Например, в случае проблем у человека с опорно-двигательным аппаратом, естественные изменения тела (быстрый рост тела ребёнка с инвалидностью) вынуждают сталкиваться с необходимостью новых технических средств реабилитации значительно чаще, нежели это знакомо ребенку, например, с проблемами по зрению. Необходимость в смене протеза каждые полгода сегодня доступна за счет новых технологий (3D-протезирование), что уменьшает стоимость нужного устройства. Время оказывается значимой осью в сети координат инвалидности-объекта, поскольку влияет как на состояние конкретного тела и окружающей среды, так и на развитие технологий глобально.

Техника вплетается в тело человека, в его повседневную жизнь, и, видоизменяя статус тела от ин-валидного к «способному», меняет и статус человека. «Трость слепого, например, входит в его схему тела и ощущается как его часть. ...Модифицированное или дооснащённое таким образом тело обретает новые возможности за счет экстенсии, ставшей частью схемы тела» (Соколовский 2018: 112). Технологии ассистивные, технологии конвергентные играют «особую роль в практике изменения телесности человека», их процесс коллаборации представляет собой не просто сближение, но и *взаимопроникновение* (Алиева, Некрасова 2013). Такой уровень взаимовлияния значительно отражается на идентичности современного человека.

Онтологический поворот помогает нам увидеть реальность XXI в., в которой живут киборги (Харауэй 2017) и предсказывается существование репликантов. Киборг Донны Харауэй – «это политический миф, который призывает к преодолению трех основных различий: между природой (животными) и человеком, человеком и машиной, и между физическим и не-физическим» (Руденко 2018). В этом контексте возникает вопрос, как меняется инвалидность? Кем становится человек с инвалидностью, обретающий ресурсы современных технологий? Насколько влияют современные технологии на человеческую телесность и идентичность? В рамках философской проблематики также происходит сдвиг от противостояния телесности и духовности – к диаде «телесность и технологии». По словам Фридриха Ницше, человек – это мост между животным и сверхчеловеком. В ситуации, когда мы переходим грани «обычного» человека, не приходим ли мы к сверхчеловеческому с помощью технологий?

Заключение

Цифровая реальность – это пространство, в котором мы тоже перемещаемся и живем. В нем также происходят события, оно содержит в себе движение, как и материальное пространство. Оно является отдельной формой окружающей среды и социальности. Социальность трансформируется, поскольку технологии всё глубже проникают в тела людей, так что человеческие тела и сознание скоро могут стать предметом воссоздания или репликации. Сделают ли нас репликанты *не-человеками*? (потому что более человечны). Подробные рассуждения по этому вопросу представлены в статье, анализирующей философский контекст художественного фильма «Бегущий по лезвию» (Филлипов 2006). Где границы наличия или отсутствия инвалидности? В современном гуманитарном дискурсе понятие «инвалид» поставлено под вопрос; можно выбрать вариант «человек с инвалидностью», поскольку человек живет «бок о бок» с некоторым объектом – инвалидностью.

Это со-существование гетерогенных акторов, как демонстрируют технологии, не является сущностью человека по природе. Присутствие инвалидности «рядом с» человеком – реляционно. Пространство, время, технологии могут сдвигать её границы или устранять ее полностью. При этом со-существование инвалидности возможно и реально (по крайней мере пока) только с человеком. Инвалидность становится самостоятельным, активным актором и как человек, не является гомогенной. Инвалидность не может рассматриваться сегодня как ярлык, стигма или феноменологическая неспособность.

Техногенный мир предлагает человеку новые повседневные практики, их становится больше, поскольку понимание того, что такое человек и как альтернативные практики повседневности (мобильности, общения, познания, труда) включены в его жизнь, способствует дифференциации социального пространства. Городское пространство как комплексная технология определяет жизнь человека, но также определяет и понятие человека. Инвалидность предстает как ассамбляж, включающий в себя и человека, и городское пространство. Городское пространство включает в себя и инвалидность; человек *обладает* инвалидностью, или точнее, «живет с ней бок о бок». Состояние человеческого тела, инфраструктура жизнеобеспечения человека и его определение через его возможности становится все подвижнее, и скорость трансформаций нарастает. Коэволюция тела и техники и влияние этого взаимодействия на границы инвалидности показывает, как техника вплетается, «проникает» в тело человека, в его повседневную жизнь, изменяя статус тела от ин-валидного к «способному» на основе техник компенсировать телесные нарушения. Если техника выступает как протез, то где границы инвалидности? Протез является необходимым элементом или инструментом, восполняющим «неспособности», или отсутствие чего-то важного в повседневности. Такое определение подходит, однако, и к технике в целом, взаимодействующей с любым человеком. Как видно, границы понятия инвалидности размываются. От четких границ инвалидности как неспособности, мы приходим к констатации размытых границ.

Литература

- Алиева Н.З., Некрасова Е.Г. Телесность человека в среде конвергентных технологий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10370> (дата обращения: 27.07.2018).
- Вахштайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 7–42. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

- Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70.
- Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения / под общ. ред. Ю.В. Петрова. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2004. 400 с.
- Курленкова А.С. Слепсунг, iPhone, blindroid: как незрячие люди стали пользователями мобильных телефонов // Технологии и телесность: новые концепции и методы исследований / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 207–237.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Ло Дж. Объекты и пространства / пер. с англ. В.С. Вахштайн // Социологическое обозрение. 2006. № 5 (1). С. 30–43.
- Руденко Н.И. Больше, чем один, меньше, чем два: понятие множества в социальных науках // Логос. 2018. (В печати).
- Соколовский С.В. Тела и технологии сквозь призму техноантропологии // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 99–121.
- Торлопова Л.А. Генеалогия понятия инвалидности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017а. № 37. С. 92–102.
- Торлопова Л.А. Онтологическая сборка инвалидности в практиках медико-социальной экспертизы // Социология власти. 2017б. № 3. С. 103–121.
- Торлопова Л.А. Российская медико-социальная экспертиза как обряд перехода // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 47–58.
- Филиппов А.Ф. Восстание картезианцев: к социологической характеристике фильма «Бегущий по лезвию» // Фантастическое кино. Эпизод первый. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 124–152.
- Хараяэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997.
- Harman G. Tool-Being: Elements in a Theory of Objects. Open Court Publishing, 2002. 331 p.
- Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory). Duke University Press, 2002.
- Urry J. Mobilities. Polity Press, 2007.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2018 г.

Torlopova Lyubov A.

CORPOREALITY, TECHNOLOGIES, AND SPATIALITY AS AXES OF DISABILITY-OBJECT'S EXISTENCE*

DOI: 10.17223/2312461X/21/3

Abstract. Today's perceptions of disability have changed dramatically compared to those of the second half of the twentieth century. The paradigmatic shift from the medical to the social model of disability consists in the localisation of disability moving from away from the individual human body towards social space. Disability in the social sciences became seen as a social construct (Yarskaya-Smirnova, WHO). From the STS perspective, disability is not only a subject of discourse but is also a material-semiotic phenomenon. In this study, disability is considered as a space-time assemblage, which contains heterogeneous elements of reality (body, assistive technologies, a given person's situation, etc.). Despite the shift in the understanding of disability, the human body remains an important element of the assembly of the disability-object. Cyborgisation of the body changes the limits of disability. The technogenic

environment changes daily practices, increasing their diversity and creating heterogeneity of social space. The pace of transformations of the human body and support infrastructure is constantly rising. The article discusses the interaction of corporeality, technologies, and disability.

Keywords: disability, disability studies, mobility studies, science and technology studies (STS), object-oriented philosophy, spaces, body, technologies, hybrids

* The work was supported by the Russian State Scientific Foundation (RGNF) / Russian Foundation of Fundamental Research (RFFI), project no. 16-01-00145, titled 'Representation of Disability and People with Disability in Russia', (principal investigator Elena E. Stein) and by the Centre of Academic Mobility (National Research Tomsk State University)

References

- Alieva N.Z., Nekrasova E.G. Telesnost' cheloveka v srede konvergentnykh tekhnologii [Human corporeality in the context of convergent technologies], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10370> (Accessed 27 July 2018).
- Vakhshtain V.S. Sotsiologiya veshchei i "povorot k material'nomu" v sotsial'noi teorii [The sociology of things and the 'material turn' in social theory]. In: Vakhshtain V. (ed.) *Sotsiologiya veshchei. Sbornik statei*. [The sociology of things. A collection of articles]. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2006, pp. 7–42.
- Deleuze G., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Per. s fr. i poslesl. S.N. Zenkina [Translation from French and afterword by S.N. Zenkin]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii. Spb.: Aleteia, 1998.
- Emelin V.A. Kiborgizatsiia i invalidizatsiia tekhnologicheskoi rasshirennoi cheloveka [Cyborgisation and disability of the technologically-advanced human being], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2013, no. 1(9), pp. 62–70.
- Kul'tura i kommunikatsiia: global'nye i lokal'nye izmereniia. Pod obshch.red. Iu.V. Petrova [Culture and communication: global and local dimensions. Edited by Yu.V. Petrov]. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoi literatury 2004.
- Kurlenkova A.S. Slepsung, iPhone, blindroid: kak nezriachie liudi stali pol'zovateliami mobil'nykh telefonov [Slepsung, iPhone, and blindroid: how did the blind become users of mobile phones]. In: *Tekhnologii i telesnost': novye kontseptsii i metody issledovaniia* [Technologies and corporeality: new concepts and methods of research]. Ed. by S.V. Sokolovskii. Moscow: IEA RAN, 2018, pp. 207–237.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]. Translated from English by I. Polonskoi; ed. by S. Gavrilenko; Higher School of Economics. Moscow: Izd. dom Vysheĭ shkoly ekonomiki, 2014.
- Law J. Ob'ekty i prostranstva. Per. s angl. Vakhshtain V.S. [Objects and spaces. Translated from English by V. Vakhshtain], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, no. 5 (1), pp. 30–43.
- Rudenko N.I. Bol'she, chem odin, men'she, chem dva: poniatie mnozhestva v sotsial'nykh naukakh [More than one, less than two: the notion of multiplicity in the social sciences], *Logos*, 2018. (in print).
- Sokolovskii S.V. Tela i tekhnologii skvoz' prizmu tekhnootropologii [Bodies and technologies through the prism of techno-anthropology], *Antropologicheskii forum*, 2018, no. 38, pp. 99–121.
- Torlopova L.A. Genealogiya poniatia invalidnosti [The genealogy of the term 'disability'], *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017a, no. 37, pp. 92–102.
- Torlopova L.A. Ontologicheskai sborka invalidnosti v praktikakh mediko-sotsial'noi ekspertizy [The ontological assemblage of disability in practices of socio-medical expert assessment (ekspertiza) in Russia], *Sotsiologiya vlasti*, 2017b, no. 3, pp. 103–121.

- Torlopova L.A. Rossiiskaia mediko-sotsial'naiia ekspertiza kak obriad perekhoda [Russian socio-medical expert assessment (expertiza) as a rite of passage], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 1, pp. 47–58.
- Filippov A.F. Vosstanie karteziantsev: k sotsiologicheskoi kharakteristike fil'ma «Begushchii po lezviiu» [The revolt of the Cartesians: towards a sociological assessment of the film 'Blade runner']. In: *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyi* [Fantasy movies. Episode 1], 2006, pp. 124–152.
- Haraway D. *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiia i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh* [A manifesto for cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 1980s]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017.
- Iarskaia-Smirnova E.R. *Sotsiokul'turnyi analiz netipichnosti* [A socio-cultural analysis of non-typicality]. Saratov: SGTU, 1997.
- Harman G. *Tool-Being: Elements in a Theory of Objects*. Open Court Publishing, 2002.
- Mol A. *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory)*. Duke University Press, 2002.
- Urry J. *Mobilities*. Polity Press, 2007.